

Австрийская экономическая школа: фундаментальные принципы, методология, институциональный анализ и перспективы

А. П. Заостровцев^{1,2}, В. В. Матвеев³

¹ *Национальный исследовательский университет*

«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Россия)

² *Международный центр социально-экономических исследований*

«Леонтьевский центр» (Санкт-Петербург, Россия)

³ *Удмуртский филиал Института экономики*

УрО РАН (Ижевск, Россия)

Представлены основные характеристики современной австрийской школы, показаны ее фундаментальные принципы, из которых становится очевидным сохраняющийся разрыв с экономическим мейнстримом. Продемонстрировано, что австрийская экономическая школа в качестве исходного методологического основания имеет институциональный индивидуализм, а не строгий методологический индивидуализм. Для нее не характерно видение человека как пресловутого *homo economicus*. Австрийская школа признана частью современного институционализма, исторические корни которого уходят к трудам ее основателей. Это обусловлено присущим австрийской школе фокусированием внимания на индивидуальном обмене (каталлактике), который нуждается в хороших институтах, а не на аллокации ресурсов. При этом особо выделяются неформальные институты (убеждения, традиции), определяющие смысл человеческой деятельности. Рассмотрены спонтанный порядок и одна из его институциональных форм — анархия. Проанализированы перспективы австрийской экономической мысли — ее потенциальный вклад в различные исследовательские программы.

Ключевые слова: австрийская школа, институциональный индивидуализм, формальные институты, неформальные институты, культура, спонтанный порядок, анархия.

JEL: B25, B41, B53.

Заостровцев Андрей Павлович (zao-and@yandex.ru), к. э. н., проф. департамента государственного администрирования НИУ ВШЭ, с. н. с. МЦСЭИ «Леонтьевский центр»; *Матвеев Владимир Валентинович* (whiteoak@yandex.ru), д. э. н., проф., вед. н. с. Удмуртского филиала ИЭ УрО РАН.

Введение

Австрийская экономическая школа не нуждается в представлении. Самые трудные времена она прошла в 1960–1970-е годы, когда ее рассматривали как маргинальную ветвь экономической мысли по причине абсолютного доминирования кейнсианства и самуэльсоновского неоклассического синтеза¹. До конца 1970-х годов видными преемниками и пропагандистами австрийской традиции можно было назвать только трех экономистов: Л. Лахмана, М. Ротбарда и И. Кирцнера.

С историей успешного возрождения этой традиции в конце XX — начале XXI в. можно ознакомиться в обзорных работах (Boettke, 1994; 2010; Boettke, Coyne, 2015). С конца 1970-х годов последовательно заявляли о себе М. Риццо, Дж. О’Дрисколл, Д. Лавуа, Л. Уайт, Б. Колдуэлл, Дж. Салерно, П. Беттке, Дж. Селгин, С. Хорвитц и др. В настоящее время ядро австрийской школы складывается в Меркатус-центре в университете Джорджа Мейсона (США) вокруг Беттке (К. Койн, П. Лисон, К. Вогн, Р. Кандела, Д. Бодро, Р. Вагнер, В. Сторр) на основе реализации программы углубленных исследований по философии, политике и экономике имени Ф. А. Хайека². Австрийская школа не ограничивается США, но распространяется и утверждает себя в ряде академических центров за их пределами. В России известно имя Х. Уэрта де Сото, но он не единственный представитель этой школы в Мадриде (López, 2023). Распространяются ее идеи и в Европе в целом (Turowski, Machaj, 2022), и в Азии (Okon, Lambert, 2022).

Разумеется, ошибочно считать австрийскую школу маргинальным явлением на фоне величественного мейнстрима экономической мысли, хотя такое мнение сохраняется. Беттке и Койн в Оксфордской энциклопедии австрийской экономики с полным на то основанием констатировали: «Не было бы преувеличением сказать, что сегодня в австрийской традиции работают больше экономистов и представителей других социальных наук, чем когда-либо в ее истории, и большинство из них публикуются в ведущих профессиональных и популярных изданиях» (Boettke, Coyne, 2015. P. 8).

Десять принципов

В стремлении суммировать базовые характеристики австрийской экономической теории Беттке выделил десять ее важнейших принципов (Boettke, 2010).

1. *Только индивид делает выбор.*

Человек, его цели и планы составляют начало любого экономического анализа. Только индивиды делают выбор, а не коллективные

¹ «Сциентизм и статизм сформировали „несвященный союз“ и его воплощением стал современный неоклассический синтез кейнсианской макроэкономики в сочетании с микроэкономической теорией провалов рынка» (Boettke, Coyne, 2015. P. 2; здесь и далее перевод наш. — А. З., В. М.).

² Mercatus Center. F. A. Hayek program. <https://www.mercatus.org/hayekprogram>

единицы. В этой связи выделяются две главные задачи экономической науки: сделать экономические явления постигаемыми на основе индивидуальных целей и планов; определить непреднамеренные последствия персональных выборов.

2. Изучение рыночного порядка — это в основе своей изучение поведения в обмене и институтов, в рамках которых этот обмен имеет место.

Австрийские теоретики полагают, что рыночную экономику лучше назвать не экономикой, а другим греческим словом — каталлактика. В переводе оно означает обмен. Каталлактика концентрирует внимание на рыночном обмене, сделках, его характеризующих, а также на институтах, внутри которых он происходит.

3. Факты социальных наук — это то, во что люди верят, и то, что они думают.

Это, пожалуй, самый важный методологический принцип австрийской школы. Он подчеркивает принципиальное различие между естественными и социальными науками. Последние, в отличие от первых, полагаются на цели и планы индивидов. Если их убрать, то исчезнет сам смысл исследования. Понять человека «изнутри» можно только потому, что исследователем здесь является сам человек. Это понимание и есть цель социальной науки, а не предсказания.

Беттке предлагает такую метафору. Допустим, марсиане наблюдают за Центральным вокзалом в Нью-Йорке³. Они увидят приток множества людей, когда маленькая стрелка на часах показывает 8 часов утра, и, напротив, столь же большой их отток, когда та же стрелка показывает 5 часов вечера. Они даже смогут на основании этой информации делать точные предсказания. Однако пока не выявлены цели и планы людей, их знание будет ограниченным (Boettke, 2010). Этот пример очень наглядно показывает, что неправомерно выстраивать экономическую науку на основе парадигмы естественных наук.

Следующие четыре принципа относятся к австрийской микроэкономике.

4. Полезность и издержки субъективны.

Казалось бы, это не что-то специфическое для австрийской школы. Такие утверждения встречаются и в обычных учебниках микроэкономики. Однако в том, что касается издержек, эта истина часто только формулируется, а потом почти сразу забывается. Многие экономисты до сих пор находятся под влиянием широко известного сравнения А. Маршалла, который видел подобие между ценообразованием и работой ножницами: одно лезвие у них — это субъективная ценность, а другое — объективные издержки. Австрийская теория изгнала «объективизм» из понятия издержек: для нее они есть все та же субъективная ценность, но только самая лучшая из утраченных альтернатив. «Стоимость (cost) любого действия есть ценность утраченной в результате него наиболее ценной альтернативы» (Boettke, 2010. Р. XIII).

³ Крупнейший транспортный узел в Нью-Йорке, где сходятся несколько железнодорожных линий и линий метро.

5. Система цен экономит затраты на информацию, которую люди должны обрабатывать в процессе принятия решений.

Цены суммируют условия обмена на рынке. Когда бизнесмен видит, что цена на используемый им металл выросла, то ему не надо тратить время на изучение, почему это произошло (из-за увеличения спроса или из-за сокращения предложения). Его задача — оперативно и правильно среагировать на этот сигнал.

6. Частная собственность на средства производства — необходимое условие рационального экономического расчета.

Австрийская школа показала, что даже если радикально изменить природу человека, сделать его стопроцентным коллективистом, то и в этом случае центральное планирование не в состоянии обеспечить эффективную аллокацию ресурсов между различными видами деятельности, поскольку без ценового механизма планировщику будет недоступна информация об альтернативной ценности ресурсов. А их цена формируется исключительно в ходе обмена на основе частной собственности.

7. Конкурентный рынок — это процесс предпринимательских открытий.

В классической микроэкономике конкуренция рассматривается как некое состояние, а не как постоянная активность, непрерывная деятельность людей. Отсюда и термин — структуры рынка. Если так, то предпринимателю здесь места нет, поэтому не рассматривается его роль в мейнстримовских учебниках экономики. Однако в австрийской экономике конкуренция — это деятельность, поэтому предпринимателю отводится огромная роль в качестве агента перемен, который толкает рынок в новых направлениях. Предприниматель всегда находится настороже по отношению к неизвестным еще возможностям получения взаимной выгоды при обмене. Открыв их, он получает прибыль. Именно предпринимательские открытия продвигают рынки к эффективному использованию ресурсов. Кроме того, предвкушение прибыли постоянно нацеливает деятельность предпринимателя на поиск инноваций, которые повышают производственные возможности.

Следующие два принципа можно отнести к австрийской макроэкономике.

8. Деньги не нейтральны.

Деньги рассматриваются в первую очередь как средство обмена. Если правительственная политика вносит искажения в стоимость денежной единицы, то искажается и обмен. Дело в том, что в случае денежной интервенции цены не меняются в равной пропорции по всей экономике, происходят искусственные изменения относительных цен. Поэтому искажаются и обмен, и производство, для которых цены служат единственным сигналом. Поэтому вредна не столько инфляция как таковая, сколько разные ее темпы по отношению к различным благам и услугам.

9. Структура капитала складывается из гетерогенных благ, которые имеют многоцелевое назначение и требуют соответствия друг другу.

Если взять в качестве примера автомобилестроение, то здесь присутствует очень длинная цепочка разнородных капиталовложений: от добычи железной руды до строительства дилерских центров. Первые

очень далеко отстоят от конечного потребителя, а последние наиболее близки к нему. На всех стадиях — от первой до последней — разнообразные ресурсы должны быть количественно и качественно совместимы, а их ценность определяется ценностью конечного продукта для покупателя автомобиля.

Если бы капитал был гомогенным фактором производства (как допускается в мейнстримовских учебниках экономики), то переключение его с производства одного товара на другой происходило бы мгновенно и почти ничего не стоило. Сегодня выпускаем автомобили, а завтра — компьютерные чипы. В реальности, учитывая гетерогенность капитала, переключение происходит очень тяжело и с большими затратами. Если правительство через монетарную политику (или как-то иначе) искажает относительные цены, то оно вводит в заблуждение предпринимателей, выстраивающих структуру капитала в ориентации на них. В итоге значительная часть капитала просто омертвляется и становится безвозвратной потерей: невозможно кирпич, использованный на постройку домов, переместить на строительство отеля.

Заметим, что правила 8 и 9 лежат в основе оригинальной австрийской теории деловых циклов, показывающей, как кредитная экспансия государства генерирует искажение структуры инвестиций в период бума, которая потом болезненно корректируется посредством спада. Для этой теории в качестве главного виновника высокой амплитуды колебаний в деловом цикле и продолжительности спада выступают ложные сигналы, подаваемые государством. Именно они заставляют бизнес делать ненужные рынку инвестиции, о чем становится известно намного позже.

10. Социальные институты являются результатом действий человека, но не его намерений.

Фундаментальные институты, как правило, оказываются непреднамеренными и побочными результатами человеческих действий. Для иллюстрации этого положения Беттке прибегает к следующему сравнению. В холодное зимнее время студенты университета пересекают наискосок большую прямоугольную лужайку перед входом, стремясь поскорее согреться в здании. В результате протаптывают дорожку в снегу, прокладывая которую никто не планировал. Появление этой дорожки служит моделью создания институтов (Boettke, 2010).

Такие базовые институты, как рынок, право, язык и прочие, родились на свет подобным образом. Люди не думали об их создании, а просто следовали своим нуждам и интересам. При этом не надо впадать и в панглоссианское заблуждение, полагая, что все спонтанно возникшие институты несут с собой благо. «Плохие институты» возникают таким же образом: когда индивиды преследуют собственные интересы, они могут создать разрушающий эффективность взаимодействия институт. Например, институт свободного доступа к ограниченным ресурсам, порождающий известную «трагедию общин».

Из приведенных выше десяти правил можно сделать два вывода. Во-первых, их реализация означала бы построение экономической теории на основе вербальной логики и эмпирических исследований, сфокусированных на исторических нарративах. Во-вторых, если ка-

саться экономической политики, то «серьезные сомнения возникли бы относительно способности правительственных чиновников к оптимальному вмешательству в экономическую систему, не говоря уже о рациональном управлении экономикой» (Boettke, 2010. P. XVII).

Индивидуализм: методологический или институциональный?

Концепцию институционального индивидуализма впервые выдвинул в 1975 г. Й. (Джозеф) Агасси (Agassi, 1975). Можно утверждать, что данное понятие представляет собой более последовательное и точное описание традиционного австрийского подхода к определению человеческого поведения, а также дает полезный инструмент для будущих исследований в системе координат австрийской школы. Для того чтобы глубже осознать это, нужно обратиться хотя бы ненадолго к методологическому индивидуализму.

Общеизвестен изобретатель этого термина — Й. Шумпетер. Однако сама концепция была разработана ранее М. Вебером, чья социология видела отдельного индивида как базовую единицу или «атом» социальных исследований. Шумпетер определил, как допущение методологического индивидуализма выставляет индивида в качестве начальной точки объяснения экономических отношений. Основатель австрийской школы К. Менгер никогда не пользовался этим термином, но ясно видел индивидуальный выбор как строительный блок объединенных социальных наук (см.: Evans, 2010).

Методологический индивидуализм представляет социальные целостности как продукт индивидуальных действий, а следовательно, ставит индивидуальный выбор в центр технологии изучения общества. Но это не означает, что следует отдавать предпочтение индивидуальному выбору перед коллективным. Ю. Элстер определял методологический индивидуализм как «доктрину, в которой все социальные явления (структура и их изменения) в принципе объяснимы через индивидов — их качества, цели и убеждения» (Elster, 1982. P. 483).

Противоположный методологическому индивидуализму холизм рассматривает индивида через обращение к более крупным целостностям. Этот подход предполагает, что социальные общности определяют индивидуальные предпочтения, а общественные события протекают как бы поверх и вне конституирующих их индивидуальных частиц. Общество определяется как форма органической целостности с его собственными правами, требованиями и интересами. Заметим, что если методологический индивидуализм отличал социологию Вебера, который считал себя экономистом, то холизм возник из другой ветви социологии и обязан своим происхождением Э. Дюркгейму, который видел социологию как альтернативную экономике науку об обществе (см.: Evans, 2010). Субъективное понимание человеческих действий в таком случае становилось избыточным для объяснения социальной активности, поскольку сеть социальных отношений, в которую люди вплетены, в конечном счете детерминирует результат.

Однако можно ли австрийскую школу рассматривать как поле, на котором процветает так называемый *homo economicus*? Последний, как определил его Т. Веблен, есть быстродействующая машина «для исчисления ощущений наслаждения и страдания» (Веблен, 2006. С. 25). В противоположность ему для австрийского видения характерен человек творческий, предприниматель (Уэрта де Сото, 2009).

В рассуждениях некоторых экономистов еще встречается отождествление видения человека в качестве *homo economicus* с австрийской школой, ложно навязывающее ей неоклассическую или сильную форму методологического индивидуализма. Но Л. фон Мизес писал: «Экономическая наука изучает реальные действия реальных людей. Ее теоремы не относятся ни к идеальному или совершенному человеку, ни к призрак мифического экономического человека (*homo oeconomicus*), ни к статистическому понятию среднего человека (*homme moyen*). Человек со всей его слабостью и ограниченностью, любой человек, как он живет и действует, является предметом каталлактики. Любое человеческое действие является предметом праксиологии»⁴ (Мизес, 2005. С. 610). Поэтому диссонансом звучит заявление в одном из учебников по «Истории экономических учений» о том, что в основе праксиологии Мизеса лежит «выбор изолированного индивида (робинзонада)» (Гловели, 2023. С. 661).

В традициях австрийской школы человеческая деятельность — это не просто нечто наблюдаемое извне (какой она была для марсиан из приведенного выше примера Беттке), а некая познанная изнутри сущность, ибо исследователь и исследуемый наделены массой совпадающих качеств, что дает возможность первому мысленно встать на место второго, осознать природу и мотивы его поступков. И это не только принципиально отличает социальные и естественные науки (физик не может стать элементарной частицей), но и обращает внимание на происхождение и природу ценностей и убеждений человека. И тут невозможно обойтись без институтов.

Австрийский методологический индивидуализм не предполагает изначально неких атомистических, автономных агентов, но допускает причинную роль общественных традиций. Он рассматривает социальные конструкции и в качестве продуктов, и в качестве детерминант индивидуального выбора⁵. При этом признание роли общественных институтов в индивидуальном выборе не ведет к признанию неизбежности того или иного действия, отсутствия свободной воли или социального детерминизма. Рутины, привычки и обычаи, с одной стороны, руководят людьми, но, с другой — это продукты в той мере, в какой они согласны принимать их в качестве ориентиров деятельности. «Коллективные установки могут действовать как автопилот для некоторых из нас, но наше

⁴ Праксиология как учение о человеческой деятельности создает фундамент всех социальных наук. Каталлактика — наука об обмене — это экономика. Иными словами, раздел праксиологии, изучающий рынки, цены и т. д. (см.: Martin, 2015).

⁵ В том, что такая интерпретация была присуща Менгеру при исследовании денег и предпринимательства, отмечено в: Ковалев, Пенязь, 2022. Подробно его вклад в анализ институтов рассмотрен в: Boettke, Candela, 2023. Появившиеся в XX в. основные труды Мизеса и Хайека сделали этот постулат основой австрийского институционализма.

эго остается за рулем» (Evans, 2010. P. 9). Да, только люди способны выбирать, но институты влияют на их выбор и сами эволюционируют в процессе человеческих действий. Таким образом, институциональный индивидуализм подчеркивает, что человеческий выбор, с одной стороны, социально не изолирован, а с другой — не определяется полностью социальной средой. Он четко отличает институциональный подход от так называемой сильной формы методологического индивидуализма — атомарного индивидуализма.

Австрийский институционализм

Анализ австрийской экономической школы как разновидности современного институционализма надо начать с обращения к принципиальному различию между присущей ей парадигмой обмена, с одной стороны, и парадигмой аллокации, составляющей квинтэссенцию неоклассики, — с другой. На расхождение этих парадигм обратил внимание Дж. Бьюкенен в статье «Что должны делать экономисты». В ней он поставил в центр обсуждения тот факт, что классическая экономика от ориентации на изучение координации и обмена перешла к поиску оптимальной аллокации и максимизации (Buchanan, 1964). За рассуждениями о рынке не всегда замечается тот факт, что в неоклассической версии экономической теории рынок не очень-то нужен: экономика, по существу, предстает перед нами как единая хозяйственная единица, а решения об оптимальной аллокации ресурсов внутри нее теоретически могут принимать эксперты (социальные инженеры) и делать это даже лучше рынка. Неслучайно идеологии так называемого рыночного социализма придерживались экономисты, разделявшие постулаты неоклассики (О. Ланге и др.)⁶.

В аллокационной парадигме исходом обмена в результате исчерпания всех выгод от него является статическое равновесие. В своем ортодоксальном виде эта парадигма исключает связанные с обменом информационные проблемы, а следовательно, торговля становится беззатратной (costless). В ней нет неопределенности и необходимости открытия неизвестного, так как все индивиды имеют полное представление о положении вещей⁷. Поэтому ее сторонники могут отбросить в сторону институты, которые, как известно, выполняют ключевую роль в снижении удельных трансакционных издержек и неопределенности.

Совсем иная картина имеет место в случае следования парадигме обмена: статическое равновесие никогда не достигается в экономике реального мира. Дело в том, что несовершенная информация, человеческие ошибки и предпринимательские открытия ведут к постоянным

⁶ Детальный разбор концепций рыночного социализма с позиций австрийской экономической мысли содержится в книге Уэрта де Сото (2008).

⁷ В современной микроэкономике асимметричной и неполной информации уделяется много внимания, но она как бы дополняет парадигму (не затрагивая ее исходной «чистоты») в качестве особых случаев и трактуется как провалы рынка. Решает эту проблему всеведущее государство (социальное страхование, регулирование и т. п.), а не предприниматели.

изменениям цен товаров и услуг. Цены не принимаются заданными, а возникают эндогенно через обмен. Упор делается на предпринимательскую деятельность как центральный механизм координации в условиях несовершенной информации и рассеянных знаний.

В результате такого видения рыночного процесса закономерно возникает вопрос: какие институты позволяют людям лучше узнавать о возможностях обмена и преодолевать проблемы, связанные с асимметричной информацией и рассеянными знаниями. Так парадигма обмена выводит на необходимость институционального анализа.

Как известно, формальные институты состоят из кодифицированных правил (конституции, законы, регулирование и т. д.), а неформальные институты состоят из неписаных правил (традиции, нормы, обычаи). Австрийская экономическая школа всегда уделяла внимание институтам (Garroute, 2008). Неоклассическая экономика гораздо позднее пришла к необходимости исследовать институты. В более или менее зрелом виде (если не считать первых статей Р. Коуза) это исследование есть в работе О. Уильмсона (Williamson, 1975). Примерно в то же время во многом благодаря ему появляется понятие «новая институциональная экономика».

Проводя параллель между новой институциональной экономикой и институционализмом австрийской школы, Коун указывает и на два важных отличия (Coune, 2010). Во-первых, австрийский подход к институтам фокусирует внимание на причинно-генетическом процессе, посредством которого институты возникают и эволюционируют. В неоклассической парадигме попытки анализировать институты игнорируют этот процесс и сосредоточиваются на институциональных условиях равновесия. Так, обращение к институтам в рамках теории транзакционных издержек предполагает, что существуют альтернативные институты как некие данности с разными уровнями издержек, причем информация о них изначально известна экономическим агентам. В австрийской традиции на место этого статического подхода ставится динамический, когда рассматривается институциональный процесс — через серию непрерывных проб и ошибок в человеческой деятельности происходит обучение, ведущее к открытию институтов. Во-вторых, австрийская школа уделяет основное внимание неформальным институтам (культуре, традициям, ценностям, системам убеждений и проч.) и считает эти неформальные институты основаниями формальных, а конфликт между формальными и неформальными институтами решается чаще всего не в пользу первых⁸. Д. Норт в своей последней индивидуальной монографии фактически встал на позицию австрийской школы, инкорпорировав убеждения и когнитивные элементы в теорию эволюции и изменения институтов (North, 2005).

Особое внимание к неформальным институтам позволяет австрийской школе продемонстрировать свое принципиальное отличие от неоклассических доктрин. Для того чтобы не стать в исследовании человеческой деятельности подобием «марсиан», необходимо раскры-

⁸ Подробно современная австрийская теория институтов применительно к экономике развития рассмотрена в: Заостровцев, 2015.

вать ее смыслы. «Понимание целенаправленных действий человека и возникновения социальных явлений означает понимание мнений и убеждений, которые определяют индивидуальное принятие решений» (Storr, 2010. Р. 30).

В таком случае возникает вопрос: как проникнуть в сознание действующих индивидов, чтобы понять смысл их активности? Преследуя эту задачу, австрийская школа исходит из того, что индивидуальный запас знаний социально обусловлен, а общественный запас знаний складывается из субъективных практик межперсональной коммуникации. Общественный запас знаний интерпретируется как культура. «Культура — это система отсчета, фон, способ видения мира и этическая система, в которой определенные убеждения, действия, результаты возможны и допустимы, а другие нет» (Storr, 2010. Р. 34). Таким образом, заявляя в качестве одного из базовых принципов, что факты социальной науки — это то, о чем думают люди и в чем они убеждены, австрийская школа неизбежно вышла на изучение культуры⁹.

Для того чтобы понять культуру, нужно не только спрашивать людей о том, что они думают и какие у них убеждения (опросы общественного мнения не всегда раскрывают это без серьезных искажений), но и просто изучать их нарративы и символы. Исследовать их религиозные ритуалы и верования, рассказываемые ими истории, а также поэзию, которую они декламируют, и песни, которые они поют. В этом запросе на инновационный для экономической науки подход австрийская школа заметно сближается с этнографией, с одной стороны, и гуманомикой Д. Макклоски — с другой¹⁰.

Согласно австрийскому подходу, исследователь общества должен ставить в центр своего внимания смыслы, которыми индивиды наделяют свои действия и обстоятельства, но также не упускать из виду то, как культура и социальный контекст влияют на смыслы и таким образом на действия индивидов. Поэтому он должен использовать инструменты этнографии и архивные поиски наряду, если не сначала, с количественными эмпирическими инструментами¹¹.

Спонтанный порядок и институты анархии

Современные представления австрийской экономической школы о спонтанном порядке развиты в работах П. Лисона (Leeson, 2007,

⁹ Взгляд современной австрийской школы на роль культуры представлен в работе Беттке (Boettke, 2001). В полемике экономистов с различными оценками роли культуры в экономическом развитии он отмечал: «Культура либо легитимизирует, либо делегитимизирует институциональные структуры, а различные институциональные структуры влияют на стимулы, с которыми сталкиваются акторы, и на информационную обратную связь, доступную для руководства их планами и выбором» (Boettke, 2006).

¹⁰ «Нам придется отказаться от экономической идеи о том, что перестановки (имеются в виду изменения в размещении ресурсов. — А. З., В. М.) и эффективность создали современный мир. Вместо этого нам нужно приветствовать экономику, которая должным образом прославляет этику, риторику, язык, творчество, инновации» (McCloskey, 2010. Р. 374).

¹¹ Австрийская теория давно вышла за рамки исследования экономики (каталлактики). Если бы это было не так, то основной труд Мизеса назывался бы «Каталлактика», а не «Человеческая деятельность».

2009, 2010, 2012, 2014, 2016). Его взгляды можно рассматривать как представительные, поскольку на состоявшейся в 2007 г. дискуссии такие заметные фигуры из числа сторонников этой школы, как Б. Бенсон и Р. Холкомб, во многом их разделяли (Benson, 2007; Holcombe, 2007). Но этого нельзя сказать об отношении к ним со стороны известного мейнстримовского экономиста Д. Родрика (Rodrik, 2007). Более того, Беттке в соавторстве с Канделой развивают свою концепцию аналитического анархизма¹², иллюстрируя эксклюзивный и инклюзивный механизмы образования негосударственного социального порядка на основе трудов Лисона (Boettke, Candelo, 2020).

Лисон поделил спонтанный порядок на три разновидности. Первую — спонтанный порядок «в тени государства» — он называл «легким случаем». Вторая — спонтанный порядок по поводу правил там, где государство отсутствует, — это «более тяжелый случай». Третью разновидность он определил как «тяжелейший случай», который предполагает возможность кооперации, равную той, что имеет место при наличии государства, или даже превосходящую ее (Leeson, 2010. P. 137). Рассмотрим все три случая.

Первый подразумевает, что государство функционирует хорошо, но оставляет достаточно широкие ниши для спонтанных порядков в силу высоких издержек его использования и других своих несовершенств. Примером является институт репутации. Поставщик услуг или товаров мог бы наносить незначительные ущербы потребителям, зная, что они в силу рационального выбора смирятся с ними: судебная процедура обойдется дороже (потери денег и времени), чем выигрыш от нее. Однако выбору такого оппортунистического поведения поставщиков препятствуют репутационные издержки. Они становятся элементом спонтанного порядка, который предотвращает данное поведение. Такой спонтанный порядок служит неформальным дополнением государства там, где оно уступает ему в скорости и стоимости решения проблем соблюдения контрактов. Однако он не эффективен без хорошего государства как своей опоры, его способности защищать права собственности и самих граждан. Поэтому он и определен как существующий в тени государства.

Вторая разновидность не требует государства. Лисон рассматривает международную торговлю в качестве такого случая. Он обращается, например, к существовавшему в Средние века *lex mercatoria*, который вводил торговые правила и принуждал к следованию им вне государственного порядка. Да и в современном мире международная торговля, несмотря на наличие международных договоренностей и ВТО, развивается без мирового правительства. В то же время заслуженную известность Лисон получил благодаря описанию локальной анархии у пиратов. Ей посвящены его самые известные работы (Leeson, 2009, 2012).

Пираты разрабатывали письменные конституции, которые называли статьями (articles). В них они кодифицировали многие обычаи, которым следовали экипажи

¹² «Аналитический анархизм есть исследовательская программа эндогенного формирования правил, правления посредством возникающих таким образом правил и коллективных действий снизу вверх, а не сверху вниз» (Boettke, Candelo, 2020. P. 21).

пиратских кораблей. Они включали положения, конкретизирующие раздел добычи, противодействующие насилию и воровству, и даже предусматривали страхование на случай ранения в сражениях. Для применения наказаний за нарушение законов и разрешения споров на судне создавался орган «старших рулевых» (quartemasters). Члены экипажа контролировали их через корабельную конституцию и демократические выборы. «Старшие рулевые» играли важную роль в ограничении возможного произвола капитана. Последний также избирался демократическим путем. Фактически, пираты создали систему разделения властей до того, как таковая впервые возникла в организации государственной власти в конце XVIII в.

Другим примером безгосударственного управления является эпоха покорения так называемого Дикого Запада в США. Здесь сделана ссылка на книгу Т. Андерсона и П. Хилла (Anderson, Hill, 2004). «Институциональные предприниматели» устанавливали там порядки, защищавшие права собственности и учреждавшие частные суды для разрешения конфликтов. Обобщая, Лисон констатирует: «Полное отсутствие формального правительства в этих случаях создало сильные стимулы для частных лиц разрабатывать решения в области частного управления, что позволило им реализовать выгоды от сотрудничества» (Leeson, 2010. P. 145).

Третья разновидность спонтанного порядка относится к безгосударственным обществам, а не к локальным сообществам. Поэтому ее эффективность наиболее спорная¹³. Лисон обращается к примеру Сомали. В 1969–1991 гг. в стране была диктатура генерала М. Сиада Барре. Политический режим сочетал социалистические эксперименты со всепроникающей коррупцией, государство в этот период можно было определить как хищническое (predatory state). После свержения диктатуры страна распалась на части и погрузилась в гражданскую войну. Централизованное государство перестало существовать, и режим управления во многих областях строился на спонтанном порядке. Тем не менее достигнутые социально-экономические результаты позволили почти через 20 лет после окончания диктатуры сделать вывод: «Спонтанно организованное Сомали добилось лучших результатов почти по всем показателям благосостояния, по которым имеются данные, чем при наличии государства» (Leeson, 2010. P. 149).

В полемике с оппонентами формулируются следующие положения. Во-первых, не надо сравнивать спонтанный порядок в Сомали (и подобных странах) с государственным порядком в развитых западных демократиях. Конечно, последний приносит лучшие результаты, но для многих отсталых стран он в принципе недостижим. Во-вторых, спонтанный порядок нужно сравнивать с государственным порядком стран, где он наиболее хрупкий. Возможно, что у них первый будет выглядеть предпочтительнее. «Если государственное хищничество останется беспрепятственным, то правительство может не только не увеличить социальное благосостояние, но и фактически снизить благосостояние ниже уровня безгосударственности» (Leeson, 2007). В-третьих, попытки экспортировать государственные институты в безгосударственный порядок в случае «успеха» не создадут правовое государство, а скорее всего, вернут хищническое. В итоге сделан вывод: «Там, где дисфункциональное правительство и частное управление являются единственными

¹³ В российской экономической литературе критический анализ анархии представлен в: Матвеев, 2020.

альтернативами — как обстоит дело в большей части наименее развитого мира, анархия может быть успешнее правительства» (Leeson, 2019. P. 64).

Перспективы

Австрийские традиции до сих пор во многом уникальны: радикальный субъективизм, неопределенность, важность времени и спонтанный порядок. Австрийцы описывают роль экономической теории как осознание социальных явлений под углом зрения планов, целей и смыслов действующих индивидов, а не как науку, предсказывающую их перемещения. Внедренные в мейнстрим модели неполной информации по-прежнему не соответствуют настоящей найтовской неопределенности. Поиск равновесия остается в нем доминирующим подходом к пониманию экономических явлений. И стихийные общественные порядки часто смоделированы так, как если бы они были разработаны «элитами» или выбраны «представительным агентом». Принимая во внимание эти методологические расхождения, А. Мартин выделил несколько перспективных направлений, в которых австрийская экономика может внести свой вклад в развитие экономической теории (Martin, 2015).

1. *Экономическое развитие.* Оно стало актуальной темой для академической науки. Австрийская экономика со времен Менгера обладает методологией анализа, созданной специально для объяснения процесса развития во времени. Она в состоянии объяснить его как движимый предпринимательством и рассредоточенными знаниями. И сделать это в дополнение или даже в противовес доминантному подходу, делающему упор на технологические инновации.

2. *Предпринимательство в нерыночных условиях.* Экономисты расширили область своих исследований, включив в нее политику, право, культуру и другие формы социального взаимодействия. Австрийцы могут импортировать в эти разделы социальной науки влияние неопределенности и предпринимательства¹⁴.

3. *Институциональная эволюция.* Институциональные изменения и развитие — одна из самых сложных тем в экономике. Австрийская экономика с ее традиционным упором на фактор времени может помочь пролить свет на исторические случаи постепенной институциональной эволюции¹⁵.

4. *«Социальная» или неортодоксальная экономика.* Разнообразные общественно-научные направления — экономическая социология, поведенческая экономика, различные формы неортодоксальной экономики — подвергли критике теорию рационального выбора. Ортодоксальных экономистов обвиняют в том, что они игнорируют

¹⁴ От себя мы можем отметить, что австрийская концепция институционального предпринимательства очень пригодилась бы при экономическом анализе поведения диктаторов. Исследование разработок экономистов в данной области показало, что такой подход в ней еще не использован (Заостровцев, 2022).

¹⁵ Фактически основы австрийской институциональной экономической истории представлены в: Boettke et al., 2008.

социальную укорененность, язык и разговор, властные отношения, альтруизм, внутреннюю мотивацию, поведенческие предубеждения и т. д. Ключевые австрийские идеи (радикальный субъективизм, смысл, неопределенность и разделение знаний) могут помочь преодолеть разрыв с разумными началами микроэкономического анализа¹⁶.

5. *Качественные исследования.* Качественные доказательства используются все шире в современной политической экономии, особенно с появлением аналитическо-нарративного подхода к эмпирической работе. Австрийский акцент на общественное мнение прекрасно вписывается в эти исследования.

Мартин приходит к заключению, что «с уменьшением языкового барьера и с учетом предварительной методологической рефлексии современные австрийцы имеют наилучшие перспективы для решения важных вопросов в профессиональном разговоре об экономике со времен Великой депрессии» (Martin, 2015. P. 39). Насколько этот прогноз будет отвечать реальности, покажет только дальнейшее развитие как экономической теории, так и всего комплекса социальных наук. Развитие идей — вещь не менее неопределенная, чем будущее мира. Поэтому о будущем австрийской школы и ее отношениях с мейнстримом остается только строить предположения (Bagus, Blasco, 2022).

Список литературы / References

- Веблен Т. (2006). Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной? // Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса / Под ред. Я. И. Кузьмина и др. М.: Изд. дом ГУ—ВШЭ. С. 99–111. [Veblen T. (2006). Why economics is not evolutionary science? In: Y. I. Kuzminov et al. (eds.). *The origins: From the experience of studying the economy as a structure and process*. Moscow: HSE Publ., pp. 99–111. (In Russian).]
- Заостровцев А. П. (2015). Современная австрийская школа об институтах, проблемах развития и роли экономиста // Вопросы экономики. № 7. С. 73–86. [Zaostrovstsev A. P. (2015). Modern Austrian school on institutions, development problems and the role of the economist. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 73–86. (In Russian).] <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-7-73-86>
- Заостровцев А. П. (2022). Теория общественного выбора: анализ диктатур // Человеческие качества и человеческое поведение в экономической науке / Под ред. В. С. Автономова, А. Я. Рубинштейна. СПб.: Алетейя. С. 129–159. [Zaostrovstsev A. P. (2022). Public choice theory: Analysis of dictatorships. In: V. S. Avtonomov, A. Y. Rubinstein (eds.). *Human qualities and human behavior in economics*. St. Petersburg: Aleteiya. P. 129–159. (In Russian).]
- Гловели Г. Д. (2023). История экономических учений: учебное пособие для бакалавров и специалитета. 2-е изд. М.: Юрайт. [Gloveli G. D. (2023). *History of economic thought*. 2nd ed. Moscow: Yurite. (In Russian).]

¹⁶ По нашему мнению, эта примирительная позиция нуждается в конкретизации применительно к «разумным началам». Имеет место интересное видение, согласно которому мейнстрим (неоклассическая экономика) представляет собой отросток классической политической экономии (появившийся в результате маржинализма), а гетеродоксные теории (именуемые политической экономией) относятся к ее прямым наследникам и определяются как мейнлайн (Stilwell et al., 2022). В мейнлайн попадает и австрийская экономическая школа. Присутствие в сборнике посвященной ей статьи, написанной Беттке и др. (Boettke et al., 2022), свидетельствует в пользу того, что группа Беттке исходит из принципиальной несовместимости этой школы с мейнстримом.

- Ковалев А. В., Пенязь О. С. (2022). Эффект сопряжения институтов в концепции Карла Менгера // *Terra Economicus*. Т. 20, № 1. С. 27–37. [Kovalev A. V., Peniaz O. S. (2022). Mutual influence of institutions in the concept of Carl Menger. *Terra Economicus*, Vol. 20, No. 1, pp. 27–37. (In Russian).] <https://doi.org/10.18522/2073-6606-2022-20-1-27-37>
- Матвеев В. В. (2020). Анархия как институциональное отрицание государства // *Вестник УдГУ. Сер. Экономика и право*. Т. 30, № 4. С. 494–502. [Matveev V. V. (2020). Anarchy as an institutional denial of the state. *Bulletin of Udmurt University. Economics and Law Series*, Vol. 30, No. 4, pp. 494–502. (In Russian).] <https://doi.org/10.35634/2412-9593-2020-30-4-494-502>
- Мизес Л. фон (2005). Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск: Социум [Mises L. von (2005). *Human action: A treatise on economics*. Chelyabinsk: Sotsium. (In Russian).]
- Уэрта де Сото Х. (2008). Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. М.; Челябинск: ИРИСЭН; Социум. [Huerto de Soto J. (2008). *Socialism, economic calculation and the entrepreneurial function*. Moscow; Chelyabinsk: IRISSEN; Sotsium. (In Russian).]
- Уэрта де Сото Х. (2009). Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум. [Huerto de Soto J. (2009). *Austrian economic school: Market and entrepreneurial creativity*. Chelyabinsk: Sotsium (In Russian).]
- Agassi J. (1975). Institutional individualism. *British Journal of Sociology*, Vol. 26, No. 2, pp. 144–155. <https://doi.org/10.2307/589585>
- Anderson T. L., Hill P. I. (2004). *The not so wild, wild west*. Stanford: Stanford University Press.
- Bagus P., Blasco E. (2022). Will the antagonism between the mainstream theories and the theories of the Austrian school of economics continue to exist in the future or will more ideas of the Austrian school be incorporated in mainstream economics. In: A. Godart-van der Kroon, J. Salerno (eds.). *The Austrian school of economics in the 21st century. Contributions to economics*. Cham: Springer, pp. 305–324. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08502-4_14
- Benson B. L. (2007). Anarchy bound: Why self-government is less widespread than it should be? *Cato Unbound*, August. <https://www.cato-unbound.org/2007/08/07/bruce-l-benson/anarchy-bound-why-self-government-less-widespread-it-should-be/>
- Boettke P. J. (1994). Introduction. In: P. J. Boettke (ed.). *The Elgar companion to Austrian economics*. Aldershot: Edward Elgar, pp. 1–6. <https://doi.org/10.4337/9780857934680.00006>
- Boettke P. J. (2001). Why culture matters: Economics, politics, and the imprint of history. In: P. Boettke (ed.). *Calculation and coordination*. New York: Routledge, pp. 248–265.
- Boettke P. J. (2006). The how, the what, and the why of the “culture matters” thesis. *Cato Unbound*, December. <https://www.cato-unbound.org/2006/12/08/peter-j-boettke/how-what-why-culture-matters-thesis/>
- Boettke P. J. (2010). Introduction. In: P. J. Boettke (ed.). *Handbook on contemporary Austrian economics*. Northampton, MA: Edward Elgar, pp. xi–xviii. <https://doi.org/10.4337/9781849806473.00005>
- Boettke P. J., Candela R. A. (2020). The positive political economy of analytical anarchism. *GMU Working Paper in Economics*, No. 2020-08. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3516829>
- Boettke P. J., Candela R. A. (2023). Monitoring, metering and Menger: A conciliatory basis for a genuine institutional economics. *Review of Austrian Economics*, Vol. 36, No. 2, pp. 183–203. <https://doi.org/10.1007/s11138-022-00593-w>
- Boettke P. J., Candela R., Lambert K. J., Tauzin D. (2022). *Austrian school of economics*. In: F. Stilwell, D. Primrose, T. B. Thornton (eds.). *Handbook of alternative theories of political economy*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 231–245. <https://doi.org/10.4337/9781789909067>

- Boettke P., Coyne C. J. (2015). Introduction: Austrian economics as a progressive research program in the social sciences. In: C. J. Coyne, P. Boettke (eds.). *The Oxford handbook of Austrian economics*. Oxford: Oxford University Press, pp. 1–12. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199811762.013.1>
- Boettke P. J., Coyne C. J., Leeson P. T. (2008). Institutional stickiness and the new development economics. *American Journal of Economics and Sociology*, Vol. 67, No. 2, pp. 331–358. <https://doi.org/10.1111/j.1536-7150.2008.00573.x>
- Buchanan J. M. (1964). What should economist do? *Southern Economic Journal*, Vol. 30, No. 3, pp. 213–222. <https://doi.org/10.2307/1055931>
- Coyne C. J. (2010). Economics as the study of coordination and exchange. In: P. J. Boettke (ed.). *Handbook on contemporary Austrian economics*. Northampton, MA: Edward Elgar, pp. 14–29. <https://doi.org/10.4337/9781849806473.00008>
- Elster J. (1982). Marxism, functionalism and game theory. *Theory and Society*, Vol. 11, No. 4, pp. 453–482. <https://doi.org/10.1007/BF00162324>
- Evans A. J. (2010). Only individuals choose. In: P. J. Boettke (ed.). *Handbook on contemporary Austrian economics*. Northampton, MA: Edward Elgar, pp. 3–13. <https://doi.org/10.4337/9781849806473.00007>
- Garrouste P. (2008). The Austrian roots of the economics of institutions. *Review of Austrian Economics*, Vol. 21, No. 4, pp. 251–269. <https://doi.org/10.1007/s11138-008-0047-3>
- Holcombe R. G. (2007). Anarchy from a policy perspective. *Cato Unbound*, August. <https://www.cato-unbound.org/2007/08/13/randall-g-holcombe/anarchy-policy-perspective/>
- Leeson P. T. (2007). Anarchy unbound, or: Why self-governance works better than you think? *Cato Unbound*, August. <https://www.cato-unbound.org/2007/08/06/peter-t-leeson/anarchy-unbound-or-why-self-governance-works-better-you-think/>
- Leeson P. T. (2009). *The invisible hook: The hidden economics of pirates*. Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400829866>
- Leeson P. T. (2010). Anarchy unbound: How much order can spontaneous order create? In: P. J. Boettke (ed.). *Handbook on contemporary Austrian economics*. Northampton, MA: Edward Elgar, pp. 137–153. <https://doi.org/10.4337/9781849806473.00018>
- Leeson P. T. (2012). *The secrets of pirate management*. Princeton: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400843169>
- Leeson P. T. (2014). *Anarchy unbound: Why self-governance works better than you think*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139198813>
- Leeson P. T. (2019). Anarchy. In: A. Marciano, G. B. Ramello (eds.). *Encyclopedia of law and economics*. New York: Springer, pp. 62–65. https://doi.org/10.1007/978-1-4614-7753-2_87
- López C. M. (2023). The Austrian school of Madrid. *Review of Austrian Economics*, Vol. 36, No. 1, pp. 61–79. <https://doi.org/10.1007/s11138-021-00541-0>
- Martin A. (2015). Austrian methodology: A review and synthesis. In: C. J. Coyne, P. J. Boettke (eds.). *The Oxford handbook of Austrian economics*. Oxford: Oxford University Press, pp. 14–43. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780199811762.013.2>
- McCloskey D. N. (2010). *Bourgeois dignity. Why economics can't explain the modern world*. Chicago: University of Chicago Press. <https://doi.org/10.7208/chicago/9780226556666.001.0001>
- North D. C. (2005). *Understanding the process of economic change*. Princeton, NJ: Princeton University Press. <https://doi.org/10.1515/9781400829484>
- Okon H., Lambert K. J. (2022). The present situation in Asia. In: A. Godart-van der Kroon, J. Salerno (eds.). *The Austrian school of economics in the 21st century*. Cham: Springer, pp. 117–130. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08502-4_6
- Rodrik D. (2007). The limits of self-enforcing agreements. *Cato Unbound*, August. <https://www.cato-unbound.org/2007/08/09/dani-rodrik/limits-self-enforcing-agreements/>

- Stilwell F., Primrose D., Thornton T. B. (2022). Introduction to the Handbook of alternative theories of political economy. In: F. Stilwell, D. Primrose, T. B. Thornton (eds.). *Handbook of alternative theories of political economy*. Cheltenham: Edward Elgar, pp. 2–15. <https://doi.org/10.4337/9781789909067.00006>
- Storr V. H. (2010). The facts of the social sciences are what people believe and think. In: P. J. Boettke (ed.). *Handbook on contemporary Austrian economics*. Northampton, MA: Edward Elgar, pp. 30–40.
- Turowski K., Machaj M. (2022). The present state of Austrian school of economics in Europe. In: A. Godart-van der Kroon, J. Salerno (eds.). *The Austrian school of economics in the 21st century*. Cham: Springer, pp. 85–115. https://doi.org/10.1007/978-3-031-08502-4_5
- Williamson O. E. (1975). *Markets and hierarchies*. New York: Free Press.
-

Austrian school of economics: Fundamental principles, methodology, institutional analysis and perspectives

Andrey P. Zaostrovtssev^{1,2,*}, Vladimir V. Matveev³

Authors affiliations: ¹ HSE University (St. Petersburg, Russia);

² Leontiev Center” (St. Petersburg, Russia); ³ Udmurt Branch of the Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia).

* Corresponding author, email: zao-and@yandex.ru

The article presents the main characteristics of the modern Austrian school. Its fundamental principles are shown, from which its remaining gap with the economic mainstream becomes obvious. The task is solved to demonstrate that the Austrian economics as its initial methodological foundation has not strict methodological individualism, but institutional individualism. It is not typical for it to see a person as the notorious *homo economicus*. The Austrian school is a kind of modern institutionalism, the historical roots of which go back to the writings of its founders. This is due to its inherent focus not on the allocation of resources, but on individual exchange (catallaxy). The latter needs good institutions. At the same time, informal institutions (beliefs, traditions) that determine the meaning of human actions are highlighted. The spontaneous order and one of its institutional forms — anarchy are considered. The article concludes with an appeal to the perspectives of Austrian economic thought — its potential contribution to various research programs.

Keywords: Austrian school, institutional individualism, formal institutions, informal institutions, culture, spontaneous order, anarchy.

JEL: B25, B41, B53.